

МАРТА ЧЕПРЕГИ (Будапешт)

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ФИНИТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Считается более или менее установленным, что у финно-угорских языков преобладают характерные черты агглютинативного типа. К этим чертам относится и расплывчатость границ частей речи. В данной статье я хочу указать на различия между частями речи внутри одной категории, а именно — на градацию глагольности, наблюдаемую для хантыйских глагольных форм прошедшего времени.

Предмет анализа — финитные глаголы, т. е. те формы, в которых к глагольной основе присоединяются временной показатель и личные окончания глагола. Для всех хантыйских диалектов характерно противопоставление маркированному настоящему времени маркированного или немаркированного прошедшего времени. Например, северохант. *вер-л-эм* 'я делаю', *вер-с-эм* 'я делал'; южнохант. *ман-т-эм* 'я иду', *ман-эм* 'я шел'; восточнохант. (вах.) *вэл-л-эм* 'я живу', *вэл-с-эм*, *вэл-эм*, *вэл-үал-эм*, *вэл-үас-эм* 'я был, жил'.

Помимо этих форм, в функции финитных глаголов могут выступать причастия с лично-притяжательными окончаниями. Причастие с суффиксом *-t-* выполняет роль глагола настоящего времени, а причастие с суффиксом *-т-* — роль глагола прошедшего времени: северохант. *вер-т-ем* 'я делаю', *вер-м-ем* 'я сделал'.

Конструкция глагольной формы, следовательно, может быть трех различных видов: а) $V + T + Vx$; б) $V + 0 + Vx$; в) $V + P + Px$ (V = основа, T = показатель времени, Vx = личное окончание глагола, P = суффикс причастия, Px = лично-притяжательное окончание).

Если сравнить отдельные хантыйские диалекты между собой с точки зрения глагольных времен, то прежде всего придется констатировать, что диалектные границы проходят не там, где мы их ожидаем. В тремьюганском говоре есть и маркированное и немаркированное прошедшее время, как и в

* На эту тему автором прочитан доклад на конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре в 1985 г. Текст доклада в материалах конгресса опубликован не был, несколько лет спустя он был напечатан на венгерском языке (Csepregi 1988). С тех пор сотрудники Сибирского отделения Российской Академии наук в Новосибирске опубликовали ряд работ, посвященных глаголу в хантыйском языке, поэтому в свете их исследований автор пересмотрела свои результаты, т. е. настоящая статья представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного в Сыктывкаре. Публикация ее на русском языке кажется целесообразной и потому, что научный интерес российских исследователей сравнительно редко распространяется на восточные диалекты хантыйского языка.

ваховском и васюганском. Но современные сургутские говоры пользуются лишь немаркированным прошедшим временем, поэтому их следует отнести не к восточным, а к южным диалектам. Однако низямский говор, данные по которому опубликовал Бела Калман (Kálmán 1960), несмотря на то что пользуется в одинаковой мере маркированным и немаркированным прошедшим временем, все же не может быть причислен к восточным диалектам; он скорее представляет собой переходный вариант между северными и южными диалектами. Различия между говорами в системе глагольных времен демонстрирует следующая схема:

	северные	южные и сургутские	ваховско- васюганские и тремьюганский	низямский
Настоящее время				
V + T + Vx	+	+	+	+
V + P + Px	+	+	-	-
Прошедшее время				
V + T + Vx	+	-	+	+
V + O + Vx	-	+	+	+
V + P + Px	+	+	-	+

Показатель будущего времени в хантыйском языке не сформировался. Будущее время передается с помощью контекста, наречия, аналитической конструкции или же начинательного суффикса, поэтому в нашем анализе оно не фигурирует.

В прошедшем времени, следовательно, из трех способов (немаркированный, с показателем времени, с суффиксом причастия) диалекты всегда используют только два. В северных диалектах употребляются маркированное прошедшее время и причастие, выступающее в качестве финитного глагола. В южных диалектах фигурируют немаркированное прошедшее время и причастие в качестве финитного глагола, тогда как в восточных встречается как маркированное, так и немаркированное прошедшее время. Исключение составляет вышеупомянутый низямский текст, который представляет переходный вариант между низямским и шеркальским говорами, поэтому в нем фигурируют как немаркированное, так и маркированное прошедшее время, и даже финитный глагол, образованный от причастия; например, *xutəm* 'я слышал', *t'w-jōxtas* 'он подошел', *kim-etməm* 'я вышел'. Из-за краткости текста, однако, мы не в состоянии определить круг употребления прошедших времен в этом диалекте, поэтому в дальнейшем его касаться не будем.

Рассмотрим глагольные формы прошедшего времени с точки зрения глагольности. В нашем случае речь идет о достаточно тонких различиях между причастием и глаголом, следовательно, критерием глагольности является способность к самостоятельному обозначению времени. Причастия, как известно, не могут обозначать время независимо, они показывают лишь, что действие, обозначенное ими, произошло раньше, одновременно или позже, чем действие, обозначенное глаголом. Пример: *vas. liyältämäl i jōyan-pə kōtal il-ěseltəyhwäl* 'после того, как он целился (целившись), его рука тоже опустилась' (Honti 1982 : 155/232).

Причастие с суффиксом *-m-* обозначает предшествование и законченность, а причастие с суффиксом *-t-* — одновременность и незаконченность.

В ваховском и васюганском говорах перехода их в категорию глагола не произошло. Конструкции В + Р + Рх всегда выполняют функции обстоятельства, а не сказуемого. В собранных нами в последние годы сургутских фольклорных текстах встречаются причастия с лично-притяжательными суффиксами в функциях сказуемого. Причастие с суффиксом *-t-*: *liləŋ sārni pākənt kəta / jəkən l ǎ ŋ t i l ə t a t m əntə* букв. 'в живого золота взорвавшийся дом / внутрь заходила я так'. Причастие с суффиксом *-m-*: *šisəŋ wəjəŋ kōŋ jəm šisəl / mǎŋəŋ wəjəŋ kōŋ jəm mǎŋəl / lǎw t'i j ǒ ŋ t i l ə t a l lǎw* букв. 'упорного животного долгая хорошая упорность, стойкого животного долгая хорошая стойкость, он так пришел пусть'. Эти формы вместе с южнохантыйскими финитными глаголами, произошедшими от причастия, находятся на ступень выше по глагольности, чем ваховско-васюганские причастия. В иртышских текстах С. Патканова предложения, в которых фигурирует финитный глагол причастного происхождения, как правило, связаны с предыдущим или следующим предложением. Действия находятся во временной или причинной связи. Применяя термин текстологии, можно дать и такую формулировку: финитный глагол причастного происхождения обеспечивает сцепление предложений. Приведем несколько примеров. Одновременность: *taxrdat ... tūmdôt: ta-ba ūrda ūttet, tu-ba xuja ūttet* 'он надел панцирные доспехи, он живет героем, он живет господином' (Patkanov 1900 : 46). Предшествование: *tēdet-pa utmemen, tuŋet-pa ūtmemen, metta tārīmat, metta vegejet mendet* 'мы прожили зиму, мы прожили лето, какие сильные люди проходили' (Patkanov 1900 : 78).

В северохантыйских диалектах финитные глаголы причастного происхождения обозначают подобным образом незаконченность и законченность, но они более самостоятельны, чем те же формы в южных диалектах. По замечанию Анны А. Ясо (Jászó 1976 : 357), глагол с причастным суффиксом имеет функцию неочевидности. Говоря о себе, герой употребляет формы с показателем времени, говоря о других — формы с причастным суффиксом. В таких случаях, однако, с точки зрения обозначения времени глагол вполне самостоятелен: *jengver verti nosing ǎrtl jogotmal / tut jogi arp ai arl seurtal / ma koti jastelem* 'водяное дело делающий его слуга приходит / дрова колет / я так говорю' (Jászó 1976 : 356). Результаты исследований новосибирских ученых подтверждают это мнение (Черемисина, Ковган 1989 : 9—13; Каксин 1994 : 12—14).

В низямском говоре форма с суффиксом *-m-* вошла в единственную парадигму прошедшего времени. В третьем лице единственного и множественного числа она вытеснила немаркированную форму прошедшего времени. Парадигма: ед. ч.: *mǐjəm, mǐjəm, mǐjmat*; мн. ч.: *mǐjəw, mǐjtə, mǐjmet* (Honti 1984 : 58, 117). Это изменение могло произойти по двум причинам. С одной стороны, из-за последовательного превращения в глагол причастия с суффиксом *-m-*, с другой, потому что немаркированная глагольная форма ближе к причастиям, чем маркированная, и их смешение происходит легче.

Определение места немаркированной глагольной формы касается сути моей статьи. Южные и современные сургутские говоры не могут в этом помочь — в них это единственный финитный глагол прошедшего времени. Однако в ваховском, васюганском и тремьюганском говорах фигурируют две или четыре глагольные формы прошедшего времени, таким образом, есть возможность сравнить между собой маркированные и немаркированные формы. Маркированное прошедшее время ваховского говора, по мнению Яноша Гуя (Gulya 1976 : 310), обозначает состояние, его действительность распро-

страняется и на настоящее время, дуративное. Мои наблюдения, сделанные на васюганском материале (Csepregi 1973 : 79), подтверждают это мнение с тем дополнением, что вместе с преобладанием сложных предложений и с оттеснением причастных конструкций немаркированное прошедшее время приобретает функцию выражения предшествования и продолжительного действия, начавшегося в прошлом: вас. *ǎram tǎwäyən, mǎnləm kǎñ(č)tä* 'мой отец заблудился, иду разыскать его' (Honti 1982 : 141/34). Отсутствие показателя времени делает форму *tǎwäyən* пригодной к тому, чтобы выступать в функции причастного характера. Это приближает ее к северохантыйским финитным глаголам причастного происхождения. Наш вывод: восточная немаркированная глагольная форма (V+0+Vx) и северная глагольная форма с причастным суффиксом (V+P+Px) — это конструкции одного уровня глагольности, они представляют собой переход от глагольной категории к причастной. Эти конструкции находятся в комплементарной дистрибуции по отношению друг к другу, т.е. если в говоре есть маркированное прошедшее время, то употребляется другая форма или V+0+Vx или V+P+Px. Внутри одного диалекта одно исключает другое. Это тоже доказывает тождественность их функций.

На высшем уровне глагольности находятся формы с показателем времени. Кроме того, что форма конструкции (V+T+Vx) создает самые полные парадигмы, самую правильную и характерную для агглютинативных языков суффиксацию, синтаксически она стоит ближе всего к глаголу и в обозначении времени является самой самостоятельной. Можно сказать, что финитный глагол делается глаголом скорее всего с помощью показателя времени. Учитывая приведенные выше точки зрения, мы считаем, что в этом с ним не может конкурировать даже показатель наклонения.

В заключение мне хотелось бы обратить внимание на одну ареальную связь. Многие утверждают (напр., Gulya 1976 : 310), что восточнохантыйское немаркированное время может считаться аористом. Если обратиться к уральским языкам Западной Сибири, в каждом из них встретим или немаркированное глагольное время, или же финитный глагол причастного происхождения, выполняющий подобную функцию. В мансийском языке, помимо маркированных глагольных времен, причастие прошедшего времени превращается в глагол. В ненецком и селькупском языках, помимо прошедшего времени с суффиксом *-s-*, имеется немаркированный аорист, который в зависимости от вида глагола обозначает настоящее или прошедшее время. Форма с суффиксом *-l-* в селькупском языке выражает будущее время. Дальнейшее рассмотрение немаркированного прошедшего времени с ареальной точки зрения поможет выяснить и другие связи.

ЛИТЕРАТУРА

- Черемисина М. И., Ковган Е. В. 1989, Хантыйский глагол. Методические указания к курсу «Общее языкознание», Новосибирск.
- Каксин А. Д. 1994, Категория наклонения в хантыйском языке (Формы и функции). Автореф. канд. дисс., Новосибирск.
- Csepregi, M. 1983, Rendszerkényyszer. Újabb keleti osztják nyelvi jelenségek. — Uralisztikai tanulmányok, Budapest, 73—84.
- — 1988, Az osztják verbum finitumok szófajproblémáiról. — Uralisztikai tanulmányok 2, Budapest, 97—101.
- Gulya, J. 1976, Az igeidők rendszere a vahi osztjákban. — NyK 78, 303—313.
- Honti, L. 1982, Vaszjugáni osztják szövegek. — NyK 84, 121—164.
- — 1984, Chrestomathia Ostiatica, Budapest.

- J á s z ó, A. A. 1976, Megjegyzések a participiumból alakult verbum finitumok mondatanához az északi osztjákban. — NyK 78, 353—358.
K á l m á n, B. 1960, Chanti szöveg. — NyK 62, 338—340.
P a t k a n o v, S. 1900, Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoeseie, II. Teil, St.-Petersburg.

MÁRTA CSEPREGI (Budapest)

ON THE PROBLEM OF CATEGORIZATION OF FINITE VERBS IN OSTYAK

There are three types of Ostyak verbal forms in the indicative: a) B + T + Vx, b) B + 0 + Vx, c) B + P + Px. (B = base, T = tense marker, P = participial suffix, Vx = personal suffix of verbs, Px = possessive suffix). The present tense is always marked.

The use of types b) and c) as past tense is complementary distribution in Northern and Eastern (V Vj.Trj. and Ni.) dialects.

In V Vj. recent compound-sentences we find the unmarked past tense even there where a participial phrase would be expected on the ground of any canonized Ostyak syntax. There is no unmarked past tense in Northern dialects, but there is a finite verb with the participial suffix in similar function instead. Our conclusion: the type B + 0 + Vx in the East and the type B + P + Px in the North are forms that fall into the same category, being transitions between the categories of the verb and the participle. The Southern and Surgut (except TRj.) dialects are excluded since their only past tense form is an unmarked one.

The most characteristic representatives of the verbal category are those of the type B + T + Vx. This type has the fullest paradigms, the most regular suffixation in accordance with the nature of agglutinative languages and from the point of view of syntax this type shows the most verbal nature. It is the tense marker that makes verb a verb. In this respect, even a modal marker cannot compete with it (cf. elliptic paradigms, unanalyzable suffixes, participial behavior in modal forms etc.).